

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-197-204

© Г. А. Есаков

ПРОТОТИПЫ ГЕРОЕВ «ВОСКРЕСЕНИЯ» Л. Н. ТОЛСТОГО (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Общеизвестно, что первоисточником романа Л. Н. Толстого «Воскресение» стала история из прокурорской практики А. Ф. Кони, рассказанная им в июне 1887 года, во время посещения Ясной Поляны. Об этом сам Кони достаточно подробно сообщил в очерке о писателе.¹ Из повествования мы узнаем о трагедии девушки и молодого человека, о печальном конце их отношений и о впечатлении, которое рассказ произвел на Толстого. Однако за рамки этих воспоминаний ни один источник пока не вышел, хотя архивные материалы и подзабытые публикации того времени хранят много интересной информации.

Попробуем взглянуть на прототипы толстовских героев, Катюши Масловой и Дмитрия Нехлюдова, взяв в качестве отправной точки рассказ Кони.²

Итак, «когда я был прокурором Петербургского окружного суда, в первой половине семидесятых годов,³ ко мне в камеру однажды пришел молодой человек с бледным, выразительным лицом и беспокойными, горящими глазами, обличавшими внутреннюю тревогу. Его одежда и манеры изобличали человека, привыкшего вращаться в высших слоях общества» (с. 474). Долгое время «молодой человек» оставался инкогнито, однако сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что речь идет об Иване Федоровиче Трушинском.

Еще в 1901 году о некоем «Т.» говорил один из крупнейших адвокатов того времени Н. П. Карабчевский: «Я уже упоминал о том, что в новой меблированной квартире, куда я переехал, у меня завелось случайно новое знакомство. Рядом с моей комнатой проживал некто Т-ский. Это был господин хорошей дворянской фамилии, окончивший года два назад курс в Александровском лицее. Он не имел определенных занятий, не искал служебного положения, был наклонен к созиданию своей собственной философской системы и жил весьма скромно на небольшой доход с родового, порядочно-таки разоренного предками имения и сверх того получал еще ежемесячно классические восемнадцать рублей, которые от казны выдаются каждому окончившему курс правоведа и лицеисту, впредь до получения ими штатного места. Т. с своими, немного по-калмыцки, широко расставленными, горевшими вечно, как угли, глазами, черною, словно нарисованною, бородою и неподвижным, несколько деревянным, смуглым лицом, слегка тронутым оспою, что его значительно смягчало и делало почти привлекательным, — был личностью довольно любопытною. Достаточно сказать, что именно с ним, в качестве присяжного заседателя, приключилась та наделавшая в свое время столько шума в судебном мире история, которая послужила много лет спустя Л. Н. Толстому внешней фабулой для его знаменитого „Воскресения“. В то время, к которому относятся мои воспоминания, Т-ский как раз и переживал то особое душевное состояние, которое привело его к такому решительному шагу. Он только что отбыл в качестве присяжного заседателя свою сессию, закончившуюся, ко всеобщему scandalу, тем, что он официально через прокурора сделал предложение о вступлении с ним в брак шестнадцатилетней девушке проститутке, чухонского происхождения, осужденной за кражу составом присяжных заседателей, в числе которых был и он. Он выхлопотал

¹ Кони А. Ф. Лев Николаевич Толстой // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 474–478. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

² Некоторые факты уже приводились мною в более ранней работе: Есаков Г. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: историко-правовая реконструкция. М., 2023. С. 33–42.

³ Кони был прокурором в 1871–1875 годах. Поэтому упоминание о том, что дело Онни Кони решал как судья, неточно (см.: Модзалевский Б. Л. Круг литературных отношений А. Ф. Кони // Памяти Анатолия Федоровича Кони. Л.; М., 1929. С. 48).

разрешение и посещал ее в тюрьме. В отличие от Нехлюдова, девушки этой он никогда ранее не знал, и в этой-то черте и усматривал философски-общественное значение своего поступка. Подобно Нехлюдову, он на проститутке не женился и, кажется, не потому, чтобы от этого уклонилась сама осужденная. Впоследствии Т-ский уехал в деревню, где и женился на равной себе по общественному положению соседке и вскоре как-то неожиданно умер от бурных приступов совершенно не понятой врачами мозговой болезни».⁴

Впервые по фамилии в связи с этой историей Трушинский прямо назван в воспоминаниях И. С. Денисьева, написанных в 1908 году, но опубликованных по рукописной копии только в 2011-м.⁵ Оставшиеся сомнения развеиваются личными письмами Трушинского к Кони,⁶ о которых будет сказано далее.

По формулярному списку Трушинского⁷ и иным доступным источникам⁸ можно установить, что родился он в 1846 году; выпустился с серебряной медалью из Императорского Александровского лицея в декабре 1869 года (XXX курс); служил с того же времени по департаменту неокладных сборов Министерства финансов, а впоследствии был откомандирован в Рязанскую казенную палату и умер в Рязани 22 января 1880 года.

Продолжим: «Он, однако, с трудом владел собою и горячо высказал мне жалобу на товарища прокурора, заведовавшего тюремными помещениями⁹ и отказавшего ему в передаче письма арестантке по имени Розалия Онни, без предварительного его прочтения. Я объяснил ему, что таково требование тюремного устава и отступление от него не представляется возможным, ибо составило бы привилегию одним в ущерб другим. „Тогда прочтите вы, — сказал он мне, волнуясь, — и прикажите передать письмо Розалии Онни“. Эта была чухонка-проститутка, судившаяся с присяжными за кражу у пьяного „гостя“ ста рублей, спрятанных затем ее хозяйкой — вдовой майора, содержавшей дом терпимости самого низшего разбора в переулке возле Сенной, где сеанс животной любви оценивался чуть ли не в пятьдесят копеек» (с. 474).

Здесь мы впервые встречаемся с прототипом Катюши Масловой — Розалией Онни (по справке о судимости и газетной публикации о предстоящем процессе написание фамилии — «Они», однако воспользуемся вариантом Кони). Губернские ведомости указывают, что среди дел, назначенных к разбирательству на 16 января 1875 года по 1-му отделению Санкт-Петербургского окружного суда (с присяжными заседателями), стоит третьим номером дело о жене ремесленника Софии Дзук и дочери унтер-офицера Розалии Онни, обвиняемых в краже.¹⁰ Онни числилась за окружным судом с 17 сентября 1874 года,¹¹ т. е. кража, видимо, имела место в первой половине того месяца.

На момент событий ей 17 (исходя из справки о судимости¹²) или 17 с половиной лет (как пишет Трушинский Кони¹³), т. е. она родилась примерно в 1857 году. По той же

⁴ Карачевский Н. Первая защита (из воспоминаний адвоката) // Русское богатство. 1901. № 5. С. 142–143.

⁵ См.: Денисьев И. С. Воспоминания лицеиста XXVIII курса // Императорский Лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей (1844–1918) / Сост. С. В. Павлова. СПб., 2011. С. 207–208. Источник публикации: ИРЛИ. Ф. 157. Оп. 1. № 303.

⁶ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. № 1723.

⁷ См.: Формулярные списки служащих департамента неокладных сборов Министерства финансов: Е. И. Рагозин — Н. А. Тютчев // РГИА. Ф. 574. Оп. 7. № 829. Л. 664–666.

⁸ См.: Памятная книжка лицестов Императорского Александровского лицея. 1811–1911. СПб., 1911. С. 84; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1880 год. СПб., 1880. Ч. I. Стб. 530.

⁹ Ранее мы предполагали, что это, возможно, или В. И. Шульгин, или А. Ф. Шульд. Однако сохранившееся письмо Онни адресовано В. К. Случевскому (впоследствии он стал видным криминалистом и обер-прокурором Уголовного кассационного департамента Сената).

¹⁰ См.: Санкт-Петербургские губернские ведомости. 1875. 11 янв. № 2. С. 9.

¹¹ По списку прошениям, поданным арестантами, содержащимися в тюремном замке (см.: Рапорты смотрителя тюрьмы и прошения арестованных за январь 1875 года // ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. № 1473. Л. 97).

¹² См.: Ведомость справок о судимости / Изд. Министерства юстиции. СПб., 1876. Кн. 1. № 1–4084. С. 227.

¹³ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. № 1723. Л. 1 об.

справке о судимости, Розалия — дочь унтер-офицера («Розалия Карлова»), род занятий — проститутка, уроженка г. Ревель (совр. Таллин). Обозначение «чухонка» и имя косвенно указывают на ее карело-финское или эстонское (по месту рождения) происхождение. И действительно, метрическая книга церкви поселка Кихелконна на острове Сааремаа (Эстония) свидетельствует, что 7 февраля 1857 года у Карла и Марии Онни, проживавших на острове Вилсанд (близ Сааремаа), родилась дочь, Розалия Наталья.¹⁴

Сенная площадь и ее окрестности в XIX веке были наполнены злочными местами, в том числе домами терпимости. Установить, какой переулочек имеет в виду Кони, затруднительно, поскольку почти в каждом, отходящем от площади, были свои заведения. Так, в Таировом переулке (современный пер. Бринько) был расположен известный дом Дероберти, № 4, в котором было несколько домов терпимости;¹⁵ в Спасском переулке их было минимум два, в домах № 1 и 5. В фонде Петроградского врачебно-полицейского комитета (ЦГИА СПб. Ф. 593) следов Розалии Онни и ее хозяйки, Софии Дзук, не осталось.

«На суд предстала молодая еще девушка с сиплым от пьянства и других последствий своей жизни голосом, с едва заметными следами былой миловидности и с цинической откровенностью на всем доступных устах. Защитник сказал банальную речь, называя подсудимую „мотыльком, опалившим свои крылья на огне порока“, но присяжные не вняли ему, и суд приговорил ее на четыре месяца тюремного заключения» (с. 474–475). Справка о судимости указывает на приговор к трем месяцам тюремного заключения по ст. 169 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Это было минимально возможное наказание за кражу, не превышающую по своему размеру 300 рублей. Дело слушалось не мировым судьей, а в окружном суде с присяжными заседателями: как можно предположить, подельница Онни, София Дзук (по указанию Кони, вдова майора, т. е. получившая через брак личное дворянство и не утратившая его со вступлением в новый брак¹⁶) как лицо «привилегированного сословия» подлежала за кражу суду с участием присяжных заседателей (вместе уже с Онни), поскольку для нее обвинительный приговор означал бы также лишение прав состояния. К слову, ведомости справок о судимости за 1875 и 1876 годы¹⁷ не упоминают об осуждении Дзук, следовательно, она, скорее всего, была оправдана присяжными.

«„Хорошо, — сказал я пришедшему, — я даже не буду читать вашего письма. Скажите мне лишь в самых общих чертах, о чем вы пишете?“ — „Я прошу ее руки и надеюсь, что она примет мое предложение, так что мы можем скоро и перевенчаться“. — „Нет, этого не может быть так скоро, ибо ей придется высидеть весь свой срок, и браки с содержащимися в тюрьме разрешаются тюремным начальством лишь в исключительных случаях, когда один из брачующихся должен оставить Петербург и быть сослан или выслан на родину. Вы ведь дворянин?“ — „Да“, — ответил он, и на дальнейшие мои расспросы назвал мне старую дворянскую фамилию из одной из внутренних губерний России, объяснив, что кончил курс в высшем привилегированном заведении и состоит при одном из министерств, занимаясь в то же время частными работами» (с. 475). Здесь Кони достаточно точен в своих воспоминаниях о роде занятий Трушинского (он состоял при Министерстве финансов). Фамилия «Трушинские» внесена

¹⁴ См.: Estonia Church Books and Synagogue Registers, 1835–1940 (<https://www.familysearch.org/ark:/61903/1:1:6XXD-87NS>; дата обращения: 30.01.2025). По тем же метрическим книгам устанавливается, что в семье было еще как минимум трое детей, и Розалия была самой младшей.

¹⁵ См.: Кузнецов М. Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследования. СПб., 1871. С. 33.

¹⁶ Конечно, содержание домов терпимости было крайне нехарактерно как род занятий для женщин-дворянок, однако такие случаи встречались. См.: Проституция по обследованию 1-го августа 1889 года / Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890. С. XV (Статистика Российской империи. Т. XIII).

¹⁷ См.: Алфавитный указатель имен и фамилий лиц, помещенных в ведомости справок о судимости. 1873, 1874, 1875. СПб., 1876; Алфавитный указатель имен и фамилий лиц, помещенных в ведомости справок о судимости. 1876. СПб., 1877.

в родословную книгу дворян Рязанской губернии под рубрикой «древние дворянские роды»; имения, принадлежавшие этой семье, были в Данковском, Касимовском и Пронском уездах. И напротив, некоторые фактографические подробности о Трушинском, сообщенные уже Карабчевским, не вполне верны (к примеру, утверждения о том, что «он не имел определенных занятий, не искал служебного положения» и т. д.).

«„Вот видите, — сказал я, — после вашего бракосочетания Розалию пришлось бы перевести в отделение привилегированных по правам состояния женщин, а что они такое — вы сами можете себе представить. Между тем там, где она находится ныне, среди непривилегированных арестанток, устроены превосходно организованные работы, и к окончанию срока она будет знать какое-либо ремесло, что при превратностях судьбы ей может пригодиться. При том же перевод ее в *господское* отделение неминуемо произвел бы дурное нравственное впечатление на содержащихся с нею вместе. Поэтому лучше было бы не настаивать на отступлении в данном случае от общего правила. Если она примет ваше предложение, я прикажу допустить вас до свиданий с нею без свидетелей и когда хотите“. Он передал мне письмо и собирался уходить, когда я снова пригласил его присесть и, испросив его разрешения говорить с ним как частный человек и откровенно, вступил с ним в следующий разговор: „Где вы познакомились с Розалией Онни?“ — „Я видел ее в суде“. — „Чем же она вас поразила? Наружностью?“ — „Нет, я близорук и дурно ее рассмотрел“. — „Что же вас побуждает на ней жениться? Знаете ли вы ее прошлое? Не хотите ли прочесть дело о ней?“ — „Я дело знаю: я был присяжным заседателем по нему“. — „Думаете ли вы, выражаясь словами Некрасова, «извлеки ее падшую душу из мрака заблужденья», переродить ее и заставить ее забыть свое прошлое и его тяжелые нравственные условия?“ — „Нет, я буду очень занят и, может быть, буду приходить домой только обедать и ночевать“. — „Считаете ли вы возможным познакомить ее с вашими ближайшими родными и ввести ее в их круг?“ Мой собеседник покачал отрицательно головой. „Но в таком случае она будет в полной праздности. Не боитесь вы, что прошлое возьмет над нею силу, на этот раз уже без некоторого оправдания в бедности и бесприютности? Что может между вами быть общего, раз у вас нет даже общих воспоминаний? Ваша семейная жизнь может представить для вас, при различии вашего развития и положения, настоящий ад, да и для нее не станет раем! Наконец, подумайте, какую мать вы дадите вашим детям!“ Он встал и начал ходить в большом волнении по моему служебному кабинету, дрожащими руками налил себе стакан воды и, немного успокоившись, сказал отрывисто: „Вы совершенно правы, но я все-таки женюсь“. — „Не лучше ли вам, — продолжал я, — ближе узнать ее, устроить ей по выходе из тюрьмы благоприятные условия жизни и возможность честного заработка, а затем уже, увидев, что она сознала всю грязь своей прежней жизни и искренне вступила на другой путь, связать свою жизнь с нею навсегда? Как бы не пришлось вам раскаиваться в своем поспешном великодушии и начать жалеть о сделанном шаге! Ведь такое запоздалое сожаление, без возможности исправить сделанное, составляет очень часто корень взаимного несчастья и озлобления. Спасти погибающую в рядах проституции девушку — дело высокое, но мне не думается, чтобы женитьба была в данном случае единственным средством, и я боюсь, что приносимая вами жертва окажется бесплодной или далеко превзойдет достигнутые ею результаты. Не лучше ли сначала приглядеться к той, о ком мы говорим... Мне в качестве прокурора приходилось слышать в этом самом кабинете признания и заявления о совершающемся или имеющем совершиться преступлении, движущие побуждения к которому иногда были вызваны именно жертвами, напрасными с одной стороны и непонятными с другой...“ Мой собеседник очень задумался, молча и крепко пожал мне руку и ушел. На другой день я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за мой с ним разговор, говоря, что, несмотря на то, что я, по видимому, немногим старше его (Кони был старше его всего лишь на два года. — Г. Е.), ему в моих словах слышался голос любящего отца, который совершенно прав в своих опасениях. Подтверждая, однако, свою твердую решимость жениться, он просил меня, в виде исключения, все-таки оказать своим влиянием содействие к тому, чтобы тюрем-

ное начальство не препятствовало ему немедленно венчаться с Розалией» (с. 475–477). Посещение Трушинским Кони состоялось 23 января 1875 года;¹⁸ его письма от 24, видимо, января в фондах Кони в ИРЛИ и ГА РФ не сохранилось.

«Я не успел еще ответить на это письмо, как поступил ответ Розалии Онни, переданный смотрителем тюрьмы, в котором она безграмотными каракулями заявляла о своем согласии вступить в брак» (с. 477). Переписка заключенных Литовского тюремного замка (в котором содержалась Онни) за интересное нас время частично дошла до нас, отложившись в ЦГИА Санкт-Петербурга.¹⁹ В списках прошений арестованных за тот период есть сведения о письме Онни до суда (видимо, по какому-то вопросу, не связанному с браком, — оно датировано 11 января²⁰), которое не сохранилось. Однако в нашем распоряжении имеется письмо («прошение») Онни от 29 января, адресованное товарищу прокурора окружного суда Случевского, следующего содержания: «28-о генваря 1875-го года мною получено через контору С.П.Б. Литовского тюремного замка письмо от Ивана Федоровича Трушинского, в котором он мне делает предложение выйти за него замуж, поэтому имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие дозволить мне с г-ом Трушинским свидание в конторе тюремного замка». ²¹

Письмо написано чьей-то рукой (но не Трушинского), а подписано действительно «каракулями» — подпись («Розалья Онни») неумело выведена по намеченному карандашом контуру. На прошении имеется резолюция рукой, видимо, Случевского — «разрешить на среду». Это ли письмо имеет в виду Кони либо же нет, сказать затруднительно — иных писем Онни в списках прошений за тот период нет.

«А через день после этого я получил от моего собеседника крайне резкое и почти ругательное письмо, в котором он критиковал мое, как он выразался, „вмешательство в его личные планы“. Не желая содействовать несчастью, к которому стремился этот нервно возбужденный человек, я, несмотря на это письмо, все-таки уклонился от участия в осуществлении его желания и твердо отклонил оказанное на меня в этом отношении давление со стороны дамского тюремного комитета и одной из великих княгинь, которую, по-видимому, разжалобил мой собеседник романическою стороною своего намерения» (с. 477).

В нашем распоряжении имеются три письма Трушинского к Кони. Первое датировано 9 февраля:

«Милостивый государь Анатолий Федорович

С сим же я посылаю Вам в Окружной суд прошение о разрешении мне обвенчаться с Онни (в первом письме именно так написана фамилия девушки, во втором и третьем уже как «Онни». — *Г. Е.*) в тюрьме как г-ну прокурору, здесь же осмеливаюсь беспокоить Вас как человека и надеюсь, что Вы извините меня, если это Вам не понравится.

Доставши Ваш адрес, я хотел лично явиться к Вам, но что-то меня удержало.

Во всяком случае, подчиняясь Вашему решению и готовый перенести последствия его, я не могу не обратить внимания Вашего на то, что дело получило огласку, против которой я, ввиду согласия Онни, ничего иметь не могу; Онни этому верит и ждет; и в случае отказа Вашего сколько тревог, насмешек, сплетен посыплется на голову этой незащитной 17½-лет<ней> девушки, за что ко всему претерпенному ею еще это новое горе, в котором она уже будет совершенно неповинной.

Покорнейше прося оставить письмо это между нами, я почтительнейше прошу Вас извинить меня за смелость, она внушена мне несколькими словами Вашими при первом свидании с Вами 23 января с<его> г<ода>.

С истинным почтением, прося Вас о снисходительности, остаюсь уважающий Вас и готовый к услугам <подпись>». ²²

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. № 1723. Л. 1 об.

¹⁹ См.: Рапорты смотрителя тюрьмы и прошения арестованных за январь 1875 года // ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. № 1473.

²⁰ Там же. Л. 97.

²¹ Там же. Л. 228.

²² ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. № 1723. Л. 1–1 об.

Второе письмо датировано 16 февраля:

«Милостивый государь Анатолий Федорович

Вы меня мучаете, пока раздумываете, погибеть это или нет, разрешить дело прошу Вас проще, а все спекулятивные соображения — хорошо ли, что будет — оставить, ибо им конца нет, человеческое чувство скажет Вам и всякому — „не вмешивайся в судьбу чью-либо, ибо сердце человека и движения его сокровенны, и далее совета <и> просьбы не заходи“; не я один, конечно, но я могу смело сказать, что больше всех я был насилуем посторонней спекуляцией на любовь и на участие ко мне во всех тех случаях, где это ничего не стоит.

Но к делу, прошу Вас, будьте прокурором-человеком и вспомните, что я и Онни суть такие же люди, как Вы сам, а потому имеем права, на которые посягать или устранивать их по-своему несообразно с именем человека.

Пожалуйста, сообщите мне скорей Ваше решение, а также и смотрителю замка, ведь осталось лишь 5 дней, не забудьте, что Вы обещали мне при последнем свидании; но в обещаниях своих прошу Вас не уподобиться г. Вильямсону, который со мной поступил так, объявив мне 11 февраля, что вы разрешили мне еженедельные свидания с Онни, он обещал немедленно распорядиться о сем, уведомив смотрителя замка; в воскресенье, когда я пошел на назначенное свидание, оказалось, что г. Вильямсон распоряжения не сделал, и меня не пустили; скажите, пожалуйста, можно ли так обращаться с кем бы то ни было, а тем более со мной, который не считает себя хуже г. Вильямсона, что он, наверно, понимает, тем более что г. Вильямсон облечен властью, которая есть тяжелая обязанность и на которую надо смотреть с уважением.

Впрочем, извините за эти строки, ведь не то еще прежде бывало; мы должны терпеть, кланяться и благодарить; жду Вашего ответа с нетерпением, прошение послал по почте в Суд.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вам покорным слугой <подпись>». ²³

Наконец, последнее сохранившееся письмо от 20 февраля:

«Милостивый государь Анатолий Федорович

Прежде всего спешу высказать чувство радости и удовольствия по поводу участия Вашего к моему положению. Кроме того, что я ценю это как особенное, мне оно очень дорого, ибо один я ничего не значу, один я могу только терпеть и страдать, для действий необходимы другие, их помощь, участие и пр. Также благодарю Вас за пропуск для свиданий с Онни. Последним я воспользуюсь; на перевод же Онни в одну из частей я имею честь сообщить: как ни желательны мне более частые, чем один раз в неделю, свидания с Онни, но желание дать ей больше возможности к развитию превосмогает первое, а так как в Литовском замке она пользуется участием г. В. И. Шамшевой (так в оригинале, Кони же указывает, что она — Варвара Петровна. — Г. Е.), очень уважаемой мною дамы, которой доброту и сердце я успел оценить, и пользуется еще уроками письма, чтения и рукоделия, чего в части она бы лишилась, то я предполагаю лучше ей остаться в замке, где она уже свыклась, а потому от всей души благодаря Вас за предложение перевести Онни в одну из частей, я покорнейше прошу Вас оставить ее там, где она есть, т. е. в замке.

Полученный отказ в венчании я предчувствовал и покоряюсь ему как необходимости, хотя остаюсь вполне при прежних мыслях и желаниях, которые я имел честь высказать вам при личном свидании.

Примите уверения в искреннем почтении и преданности <подпись>». ²⁴

Нельзя не отметить сходства письма от 16 февраля со вторым письмом, упоминаемым Кони, хотя оно и датируется им более ранним числом: оно действительно резкое по стилю, «почти ругательное», в нем Кони упрекается во вмешательстве в личные планы. Третье же письмо подтверждает сообщенное Кони об обсуждении им с Трушинским возможности перевода Онни в отделение привилегированных по правам состояния женщин.

²³ Там же. Л. 2–3.

²⁴ Там же. Л. 4–5.

«Между тем наступил пост, и вопрос о немедленном браке упал сам собою.²⁵ Мой собеседник стал видаться довольно часто с Розалией, причем в первое же свидание она должна была ему объяснить, что вызвана из карцера, где содержалась за неистовую брань площадными словами, которою она осыпала заключенных вместе с нею. Он возил ей разные предметы для приданого: белье, браслеты и материи. Она рассматривала это с восторгом, и затем все принималось на хранение в цейхгауз на ее имя. В конце поста Розалия заболела сыпным тифом и умерла. Ее жених был, видимо, поражен известием об этой смерти, когда явился на свидание, — и в память Розалии пожертвовал подготовленное для нее приданое в пользу приюта арестантских детей женского пола. Затем он сошел с моего горизонта, и лишь через много лет его фамилия промелькнула передо мною в приказе о назначении вице-губернатора одной из внутренних губерний России. Но, быть может, это был и не он» (с. 477).

Точную дату смерти и место погребения Онни установить не удалось. В сохранившейся метрической книге православной церкви при Литовском тюремном замке (если допустить, что в какой-то момент своей жизни она перешла в православие) данных об Онни нет;²⁶ в имеющихся лютеранских метрических книгах Санкт-Петербурга за этот год сведения также отсутствуют.²⁷

«Месяца через три после этого почтенная старушка, смотрительница женского отделения тюрьмы, рассказала мне, что Розалия, будучи очень доброй девушкой, ее любила и объяснила ей, почему этот господин хочет на ней жениться. Оказалось, что она была дочерью вдовца, арендатора в одной из финляндских губерний мызы, принадлежавшей богатой даме в Петербурге. Почувствовав себя больным, отец ее отправился в Петербург и, узнав на амбулаторном приеме, что у него рак желудка и что жить остается недолго, пошел просить собственницу мызы не оставить его будущую круглую сироту — дочь. Это было обещано, и девочка после его смерти была взята в дом. Ее сначала наряжали, баловали и портили ей желудок конфетами, но потом настали другие злобы дня или она попросту надоела и ее сдали в девичью, где она среди всякой челяди и воспитывалась до 16-летнего возраста, покуда на нее не обратил внимание только что окончивший курс в одном из высших привилегированных заведений молодой человек — родственник хозяйки, впоследствии жених тюремной сиделицы. Гости у нее на даче, он соблазнил несчастную девочку, а когда сказались последствия соблазна, возмущенная дама выгнала с негодованием вон... не родственника, как бы следовало, а Розалию. Брошенная затем своим соблазнителем, она родила, сунула ребенка в воспитательный дом и стала спускаться со ступеньки на ступеньку, покуда, наконец, не очутилась в притоне около Сенной. А молодой человек между тем, побывав на родине, в провинции, переселился в Петербург и тут вступил в общую колею деловой и умственной жизни. И вот в один прекрасный день судьба послала ему быть присяжным в окружном суде, и в несчастной проститутке, обвиняемой в краже, он узнал жертву своей молодой и эгоистической страсти. Можно себе представить, что пережил он, прежде чем решиться пожертвовать ей во искупление своего греха всем: свободой,

²⁵ По канонам православной церкви венчание в пост не допускается. Великий пост в 1875 году длился с 24 февраля по 12 апреля.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. № 1214. Л. 185–191. При Литовском тюремном замке существовала еще лютеранская часовня, однако ее метрических книг (если они велись) не сохранилось.

²⁷ Использована коллекция: Россия, дубликаты лютеранских метрических книг, 1833–1885 (<https://www.familysearch.org/search/collection/1469151>; дата обращения: 30.01.2025). Эта коллекция представляет собой сканированную версию документов, хранящихся в: РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Генеральная евангелическо-лютеранская консистория МВД. Частично сохранившиеся книги о погребениях также не позволяют установить дату смерти и место захоронения Онни. Ее погребения за соответствующий период нет ни на крупных православных кладбищах (см.: Ведомость о погребенных на Смоленском православном кладбище // ЦГИА СПб. Ф. 457. Оп. 1. № 78; Книга прихода денежных средств за погребения на Волковском православном кладбище с указанием фамилий и имен погребенных // ЦГИА СПб. Ф. 643. Оп. 1. № 25; Ежемесячные ведомости о погребенных на Преображенском православном кладбище // ЦГИА СПб. Ф. 455. Оп. 1. № 13), ни на Волковском евангелическо-лютеранском кладбище (см.: Книга записей погребенных // ЦГИА СПб. Ф. 373. Оп. 1. № 17).

именем и, быть может, каким-либо другим глубоким чувством. Вот почему так настойчиво требовал он осуществления того своего права, которое великий германский философ называет *правом на наказание*» (с. 478).

Основная загадка, которая пока остается без ответа, связана с реальностью предыстории связи Онни и Трушинского: было ли то самое «падение» по вине молодого человека или это чей-то вымысел? С одной стороны, у нас есть свидетельства Карабчевского и Денисьева, где об этом нет ни слова. Первый вообще утверждает, что Трушинский решил жениться на незнакомой ему до того девушке («в отличие от Нехлюдова, девушки этой он (Трушинский. — Г. Е.) никогда ранее не знал, и в этой-то черте и усматривал философски-общественное значение своего поступка»²⁸). Но ведь Трушинский мог и не посвящать его в свое прошлое.

С другой стороны, вряд ли на смертном одре девушка стала бы лгать; а если это выдумала не она, то зачем это Шамшевой²⁹ или самому Кони³⁰? И тут есть косвенное свидетельство о возможности такой истории. Напомним, что Онни на момент смерти было около 17 с половиной лет, родилась она в 1857 году. Допустим, что Трушинский соблазнил ее в 14–15 лет (правда, Кони пишет о 16-ти годах, но тогда затруднительно представить, чтобы за полтора года «брошенная затем своим соблазнителем, она родила, сунула ребенка в воспитательный дом и стала спускаться со ступеньки на ступеньку, покуда, наконец, не очутилась в притоне около Сенной»), и это дает нам лето 1871 или 1872 года (потому что события происходили на даче). Формулярный список Трушинского свидетельствует, что в 1871 году с 6 марта по 9 сентября и в 1872 году с 31 марта по 4 декабря он отсутствовал на службе по болезни,³¹ т. е. вполне мог как «только что (сравнительно недавно, в 1869 году. — Г. Е.) окончивший курс в одном из высших привилегированных заведений» оказаться на этой самой даче у своей родственницы. Сколь ни невероятно совпадение, тем не менее, оно вполне возможно...

Очевидно, что толстовские герои далеки от своих прототипов. Однако теперь, после сказанного, последние проступают из тьмы, обрастают плотью и кровью и могут быть названы по именам. Они существовали реально и, прожив по земным меркам короткую жизнь, вошли в вечность через «Воскресение» Толстого.

²⁸ Карабчевский Н. Первая защита (из воспоминаний адвоката). С. 143.

²⁹ Варвара Петровна Шамшева была смотрительницей женского отделения Литовского тюремного замка; именно она передала Кони историю Онни.

³⁰ Сам Кони в письме к Б. Н. Чичерину от 20 июля 1899 года говорил, что вся эта история — «роман, написанный Господом Богом с эпического простотою (это ведь действительность, мною рассказанная Л. Н. Т.)...» (см.: ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. № 892. Л. 22 об.).

³¹ РГИА. Ф. 574. Оп. 7. № 829. Л. 665.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-204-208

© В. Н. Быстров

А. М. РЕМИЗОВ И ВЛ. В. ГИППИУС: О ДВУХ ЭПИЗОДАХ ЗАОЧНОГО ОБЩЕНИЯ

Поэт, прозаик, педагог Владимир Васильевич Гиппиус (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский; 1876–1941) при жизни был гораздо менее известен, чем его ровесник Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957). Но в среде русских модернистов его знали и ценили.¹ В круг общения Вл. Гиппиуса в разное время входили А. М. Добро-

¹ О Вл. В. Гиппиусе и его близких современниках см., в частности: Лавров А. В. Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989.

11. Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников. Середина XIX века / Под ред. А. И. Леонова. М., 1958.
12. *Соболевская Н. Н.* Чехов и импрессионизм (К проблеме творческих контактов) // Творчество писателя и литературный процесс / Отв. ред. Л. Н. Таганов. Иваново, 1979.
13. *Стасов В. В.* Избр. статьи о русской живописи. М., 1968.
14. *Федоров-Давыдов А. А.* Илья Ефимович Репин. М., 1989.
15. *Чудаков А. П.* Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров) // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009.
16. *Brunson M.* Realisms. Literature and Painting. 1840–1890. DeKalb, 2016.
17. *Debreczeny P.* Chekhov's Use of Impressionism in «The House with the Mansard» // Russian Narrative & Visual Art: Varieties of Seeing / Ed. by R. Anderson, P. Debreczeny. Gainesville, 1994.

References

1. *Benua A. N.* Istoriia russkoi zhivopisi v XIX veke. M., 1995.
2. *Brunson M.* Realisms. Literature and Painting. 1840–1890. DeKalb, 2016.
3. *Chudakov A. P.* Aromorfoz russkogo rasskaza (k probleme mal'kikh zhanrov) // Poetika russkoi literatury kontsa XIX — nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza. M., 2009.
4. *Debreczeny P.* Chekhov's Use of Impressionism in «The House with the Mansard» // Russian Narrative & Visual Art: Varieties of Seeing / Ed. by R. Anderson, P. Debreczeny. Gainesville, 1994.
5. *Fedorov-Davydov A. A.* Il'ia Efimovich Repin. M., 1989.
6. *German M. Iu.* Impressionizm: Osnovopolozhniki i posledovateli. SPb., 2019.
7. *Kuznetsova G.* Grasskii dnevnik // Znamia. 1990. № 4.
8. *Lessing G. E.* Laokoon, ili o granitsakh zhivopisi i poezii / <Per. E. N. Edel'son>. M., 1957.
9. *Liaskovskaia O. A.* Il'ia Efimovich Repin. Zhizn' i tvorchestvo. M., 1982.
10. *Perepiska I. N. Kramskogo: V 2 t. M., 1954. T. 2.* Perepiska s khudozhnikami / Podg. k pechati i prim. E. G. Levenfish i dr.
11. *Predsimvolizm — liki i otrazheniia* / Pod red. E. A. Takho-Godi. M., 2020.
12. *Reitblat A. I.* Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury. M., 2009.
13. *Ril'ke R. M.* Vorpsvede / Red. I. D. Rozhanskii; sost. E. V. Golovin. M., 1971.
14. *Russkoe iskusstvo: Ocherki o zhizni i tvorchestve khudozhnikov. Seredina XIX veka* / Pod red. A. I. Leonova. M., 1958.
15. *Sobolevskaya N. N.* Chekhov i impressionizm (K probleme tvorcheskikh kontaktov) // Tvorchestvo pisatel'ia i literaturnyi protsess / Отв. ред. Л. Н. Таганов. Иваново, 1979.
16. *Stasov V. V.* Izbr. stat'i o russkoi zhivopisi. M., 1968.
17. *Zlydneva N. V.* Vizual'nyi narrativ: k probleme temporal'nosti kak implitsirovannoi verbal'nosti (sluchai pozdnego avangarda) // Iazyk kak mediator mezhdu znaniem i iskusstvom. M., 2009.

Геннадий Александрович Есаков

профессор, приглашенный преподаватель юридического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Gennadii Aleksandrovich Esakov

Professor, Visiting Professor, Department of Law,
Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-8176-2917

e-mail gesakov@gmail.com

ПРОТОТИПЫ ГЕРОЕВ «ВОСКРЕСЕНИЯ» Л. Н. ТОЛСТОГО (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

THE PROTOTYPES OF THE CHARACTERS OF L. N. TOLSTOY'S *RESURRECTION* (BASED ON ARCHIVAL SOURCES)

Роман Л. Н. Толстого «Воскресение» основывается на реальной истории, рассказанной ему А. Ф. Кони. Она имела место в 1875 году между двумя реальными лицами, Иваном Трушинским и Розалией Онни. Вслед за судебным процессом над Онни Трушинский (он был присяжным заседателем в этом деле) сделал ей предложение. Кони был вовлечен в эту историю как надзирающий за тюрьмой прокурор и несколько лет спустя рассказал эту историю Толстому. Основываясь на архивных источниках, автор статьи пытается реконструировать жизнь обоих героев и установить фактографичность ключевого момента всей истории — соблазнения Трушинским Онни. В качестве доказательства цитируются и анализируются ранее неизвестные письма Трушинского к Кони.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, «Воскресение», прототип, персонаж.

Resurrection, the novel by L. N. Tolstoy, is based on a true story provided by A. F. Koni. It took place in 1875 and involved two real characters, Ivan Trushinskii and Rosalia Onni. After the trial, Trushinskii (a member of the jury) proposed to Onni. Koni was involved in this case as the prosecutor in charge of the prison, and several years later related the story to Tolstoy. Using archival data, the author tries to reconstruct the lives of both characters and to verify the factual basis of the key issue in the story: whether Onni was seduced by Trushinskii. Three formerly unknown letters of Trushinskii to Koni are cited and analyzed in the article.

Key words: L. N. Tolstoy, A. F. Koni, *Resurrection*, prototype, character.

Список литературы

1. Денисьев И. С. Воспоминания лицеиста XXVIII курса // Императорский Лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей (1844–1918) / Сост. С. В. Павлова. СПб., 2011.
2. Есаков Г. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: историко-правовая реконструкция. М., 2023.
3. Кони А. Ф. Лев Николаевич Толстой // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6.

References

1. Denis'ev I. S. Vospominaniia litseista XXVIII kursa // Imperatorskii Litsei v pamiati ego pitomtsev: Aleksandrovskii Litsei (1844–1918) / Sost. S. V. Pavlova. SPb., 2011.
2. Esakov G. A. Roman L. N. Tolstogo «Voskresenie»: istoriko-pravovaia rekonstruktsiia. M., 2023.
3. Koni A. F. Lev Nikolaevich Tolstoi // Koni A. F. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1968. T. 6.

Вячеслав Николаевич Быстров

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Viacheslav Nikolaevich Bystrov

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5033-9737

bysvn@mail.ru

А. М. РЕМИЗОВ И ВЛ. В. ГИППИУС: О ДВУХ ЭПИЗОДАХ ЗАОЧНОГО ОБЩЕНИЯ

A. M. REMIZOV AND VL. V. GIPPIUS: TWO INSTANCES OF EPISTOLARY COMMUNICATION

Статья представляет собой историю взаимоотношений А. М. Ремизова и Вл. В. Гиппиуса. Кратко прослежен период их работы в Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса в 1918–1919 годах. Основное внимание уделено эпизоду обмена письмами писателей в апреле 1915-го, а также стихотворению Гиппиуса, написанному в 1919 году и посвященному Ремизову.